

Maximi Confessoris Quaestiones ad Thalassium. Quaestiones I—LV una cum latina interpretatione Ioannis Scotti Eriugenaе iuxta posita / Ediderunt Carl Laga et Carlos Steel // Corpus Christianorum. Series Graeca. Brepols-Turnhout: Leuven University Press, 1980. Vol. 7. CXVIII+556 p.

Maximi Confessoris Quaestiones et Dubia / Edidit Jose H. Declerck // Corpus Christianorum. Series Graeca. Brepols-Turnhout: Leuven University Press, 1982. Vol. 10. CCLIII+255 p.

Новая патрологическая серия — Corpus Christianorum. Series Graeca — несмотря на свой сравнительно «молодой возраст» (первый том ее появился в 1977 г.), завоевала прочный авторитет в научном мире как издание, отвечающее самым высоким требованиям современного источниковедения. Именно в ней и были опубликованы два рецензируемых тома, которыми начинается критическое издание сочинений Максима Исповедника. Первый том содержит в себе большую часть «Вопросоответов к Фалассию», в котором (как и в так наз. *Ambigua*) наиболее полно отразилась глубина и богатое разнообразие этого одного из самых выдающихся византийских мыслителей. В начале «Введения» (с. IX—XIII) К. Лага и К. Стил отмечают, что оба главных произведения Максима Исповедника были созданы в период его пребывания в Африке между 630 и 634 гг., когда он не был еще вовлечен в идейную борьбу, развернувшуюся вокруг монофелитства. Поэтому его внимание концентрируется преимущественно на основных темах оригенизма, еще популярного в монашеских кругах (особенно в Палестине). В обоих сочинениях Максим Исповедник проявляет себя мыслителем, находящимся в традиции каппадокийских отцов, Псевдо-Дионисия Ареопагита и Евагрия Понтийского. «Вопросоответы» адресованы Фалассию — игумену одного из африканских монастырей, с которым Максима Исповедника связывали тесные дружеские отношения и который известен как автор четырех «Сотниц о любви», написанных под влиянием Максима¹. Поводом к созданию «Вопросоответов» послужил ряд недоумений, возникших у Фалассия при чтении Библии. С ними он обратился к Максиму Исповеднику, который подробно ответил на них. Эти ответы носили возвышенно-спекулятивный характер и иногда были труднодоступны для понимания. Со временем он сам почувствовал это и снабдил их схолиями, которым предшествует «Пролог». Позднее к схолиям Максима были присоединены схолии других авторов. Издатели подчеркивают сложный характер образования схолий, основная масса которых существовала уже к периоду ок. 800 г. Более того, К. Лага и К. Стил замечают, что стиль «Пролога» к схолиям, написанного от лица Максима Исповедника, сильно отличается от стиля других его произведений. Поэтому высказывается предположение, что «Пролог», возможно, не

принадлежит перу Максима. Вопрос о вычленении схолий, принадлежащих ему, остается пока открытым.

Далее следует подробное описание и детальный анализ греческой рукописной традиции (С. XIV—LXXXII). Для издания были привлечены 43 манускрипта, хранящихся в крупнейших рукописных собраниях многих стран мира (в том числе одна московская рукопись XI в. ГИМ. gr. 200), что потребовало от издателей самых кропотливейших и многотруднейших усилий. Выделяются две основные группы рукописей, характерные особенности которых оформились уже в X в.: итало-греческая и восточная. Главными кодексами первой группы являются три рукописи X в. (*Cryptensis* B. a. IV; *Vaticanus* gr. 1809; *Venetus Marcianus* gr. 137); вторая группа, возникшая независимо от первой и восходящая к иному архетипу, подразделяется на три подгруппы. В первую из них входят три рукописи XI—XII вв., содержащие «корпус» сочинений Максима Исповедника (*Angelicus* 120; *Vaticanus* gr. 1502; *Coislipianus* 90); вторую подгруппу представляют указанная московская рукопись и зависящие от нее позднейшие кодексы; третья содержит два иерусалимских манускрипта. Помимо данных двух основных групп, существует еще и непрямая традиция «Вопросоответов», которые использовались в различных флорилегиях и катенах. Эти антологии иногда составлялись в период более ранний, чем рукописи, отражающие прямую традицию, и поэтому имеют определенное значение для реконструкции текста. К. Лага обращает внимание на две подобные антологии. Одна из них — *Florilegium Coislipianum secundam alphabeti litteras disp.*, — имеющая три редакции, восходит к началу X в. и близка к итало-греческой группе. Другая «Различные главы о богословии и домостроительстве» была издана в Патрологии Миня (PG 90. Col. 1177—1392) среди произведений Максима Исповедника. В свое время С. Л. Епифанович охарактеризовал это сочинение как «своего рода Добролюбие из преп. Максима, составленное около половины XI в.»². К. Лага и К. Стил констатируют, что главы 410—500 этого флорилегия заимствованы (с изменениями и сокращениями) из «Вопросоответов». По их мнению, текст флорилегия зависит от текста московского кодекса и составлен после 1105 г.

¹ Следует отметить, что это влияние отнюдь не было односторонним: Фалассий, являясь личностью неординарной и одаренным писателем, в свою очередь, также оказывал духовное воздействие на Максима Исповедника. См.: *Van Parys M. Un maître spirituel oublié: Thalassios de Libye // Irenikon. 1979. Т. 52. P. 218.*

² См. его предисловие к началу перевода «Вопросоответов» на русский язык: *Богословский Вестник, 1916. С. 10.*

Помимо анализа рукописной традиции, К. Лага и К. Стил дают также экскурсы и в историю издания «Вопросоответов» (с. LXXXII—XC). Здесь основное внимание уделяется доминиканцу Ф. Комбефи, благодаря трудам которого впервые увидело свет печатное издание собрания сочинений Максима Исповедника (1675 г.). Впоследствии оно было перепечатано в «Патрологии» Миня и до настоящего времени еще служит необходимым подспорьем для исследователей творчества Максима. К. Лага и К. Стил предпринимают попытку идентифицировать рукописи, на которые опирался Ф. Комбефи в своем издании, а также отмечают ряд существенных недостатков его издания.

Следующая часть «Введения» посвящается латинской традиции «Вопросоответов» (с. XCI—CXI), т. е. переводу Иоанна Скота Эриугены, который впервые публикуется в рецензируемом томе. Известно, что мирозерцание этого оригинальнейшего мыслителя, стоящего одиноко среди своих западных современников, сформировалось под мощным воздействием греческой патристики³. Издатели подчеркивают данный факт, отмечая стремление Эриугены идти «к чистейшим и обильнейшим истокам греков», которое и определило основные черты его философии. Его перевод «Вопросоответов» сохранился в двух рукописях, одна из которых датируется примерно 1100 г., а другая — второй половиной XII в. Как считают издатели тома, Эриугена работал над этим переводом в то время, когда писал свое основное произведение «О природе», и завершил перевод до 866 г. «Вопросоответы» обычно цитируются Эриугеной под названием «Схолии» и это объясняется тем, что он неверно понял смысл «Пролога к схолиям», который в рукописной традиции обычно предваряет сами «Вопросоответы». Однако нельзя сказать, что Эриугена не понимал специального значения греческого слова «схолии». Он аккуратно перевел все схолии, наличествующие в той греческой рукописи, которую имел перед собой. Более того, Эриугена добавил к греческим схолиям и свои собственные, большинство из которых можно установить. Предпринимая перевод сочинений Максима Исповедника, Эриугена практически не имел предшественников в этом деле на латинском Западе⁴. И хотя его перевод не лишен ошибок и иногда труден

для восприятия, он тем не менее часто может служить хорошим подспорьем для адекватного понимания греческого текста. Прототип, с которого Эриугена делал свой перевод, существенно не отличается от известной греческой рукописной традиции и подтверждает древность и стабильность ее.

В заключение К. Лага и К. Стил кратко формулируют те источниковедческие и филологические принципы, которыми они руководствовались в своем издании (с. CXII—CXVII). Само издание текста «Вопросоответов» осуществлено в соответствии с лучшими стандартами современных критических изданий: греческий и латинский тексты даются параллельно, учитываются все различия. Оно снабжено необходимыми индексами.

Второй рецензируемый том содержит сочинение Максима Исповедника, которое первый издатель его (Ф. Комбефи) назвал «Вопросы и сомнения». Оно также относится к жанру «Вопросов и ответов», широко распространенному в патристической литературе⁵. Издание текста предваряется обширнейшим «Введением», которое является целым самостоятельным исследованием истории рукописной традиции «Вопросов и сомнений». Здесь И. Деклерк отмечает, что Ф. Комбефи опубликовал всего 79 «вопросов», в трех из которых имеются большие лакуны, а последний обрывается на полужфразе. В таком виде сочинение было перепечатано в «Патрологии» Миня (PG 90. Col. 785—856). В 1917 г. С. Л. Епифанович, опираясь на одну рукопись конца XVI в., восполнил лакуны издания Ф. Комбефи и добавил еще два «вопроса», отсутствующих в последнем⁶. Следующий важный шаг в изучении «Вопросов и сомнений» был сделан итальянским ученым К. Джанелли, который, обнаружив в начале 50-х годов в Ватиканской библиотеке кодекс X в. (Vaticanus gr. 1703), содержащий 195 «вопросов», написанных в духе «анагогической экзегезы», идентифицировал его как *editio maior* данного произведения. Именно этот кодекс и положен И. Деклерком в основу критического издания. По его словам, сложность изучения рукописной традиции «Вопросов и сомнений» заключается не только в большом количестве манускриптов, но и в разнообразии свидетельств, касающихся как содержания, так и структуры сочинения. Помимо указанной ру-

³ По словам А. Бриллиантова, характерной чертой Эриугены «является высокое уважение к греческому востоку и стремление усвоить и перенести на западную почву результаты восточной спекуляции». См.: Бриллиантов А. Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эриугены. СПб., 1898. С. 41.

⁴ В дальнейшем некоторые сочинения Максима Исповедника переводились еще Анастасием Библиокарем, Цербаном и др., но все эти переводы не получили широкого распространения на Западе. См.: Dekkers E. Maxime le Confesseur dans la tradition Latine // After Chalcedon: Studies in Theology and Church History Offered to Professor A. Van Roey for His Seventieth Birthday. Leuven, 1985. P. 83—92.

⁵ Bardy G. La litterature patristique des Quaestiones et Responsiones sur l'Ecriture sainte // Revue biblique. 1932. T. 41. P. 210—236, 341—369, 515—537; 1933. T. 42. P. 328—352.

⁶ Епифанович С. Л. Материалы к изучению жизни и творений преп. Максима Исповедника. Киев, 1917. С. 26—27.

кописи Vat. gr. 1703, конец и начало которой, к сожалению, испорчены, Й. Деклерк выделяет три основные редакции «Вопросов и Сомнений», обозначаемых им как «selection I», «selection II», «selection III». Но ни одна из них не представляет сочинения в своем исконном виде: испорченность кодекса Vat. gr. 1703 заставляет предположить, что часть произведения так и осталась неизвестной нам.

Скруплезнейший анализ рукописной традиции позволяет Й. Деклерку прийти к следующим выводам: «Вопросы и сомнения», видимо, почти не переписывались в своем изначальном виде. Южная Италия является родиной трех основных редакций сочинения. Позднее одна из них («selection I») попала на греческий Восток (вероятно, на Крит), где какой-то эрудит отредактировал и исправил ее. Она («selection II») легла в основу восточного ответвления рукописной традиции. Преобладание западного направления не означает, однако, что «Вопросы и сомнения» совсем не были известны в Византии: помимо «selection II», в пользу определенной сферы распространения их здесь говорят экзегетические катены и одна цитата у Феодора Студита. Главную причину фрагментарности передачи текста Й. Деклерк видит в том, что «анагогическое толкование» Максима Исповедника не всегда встречало радужный прием у читателей. Кроме того, «Вопросы и сомнения» ни по форме изложения, ни по глубине мысли не могли сравниться с такими шедеврами Максима Исповедника, как «Вопросоответы к Фалассию» или *Ambigua*. Поэтому и составлялись сборники выдержек из данного сочинения, в которых были сгруппированы наиболее простые для понимания тексты. Подобные сборники постепенно вытеснили из обихода первоначальную редакцию произведения, что отнюдь не представляет исключительного случая в византийской литературе, — такая же судьба, например, постигла и «Вопросы и ответы» Анастасия Синаита. В заключение Й. Деклерк присоединяется к гипотезе К. Джанелли относительно того, что преобладание итало-греческой (западной) рукописной традиции «Вопросов и сомнений» можно объяснять и фактом пребывания Максима Исповедника в Сицилии и Италии; рукопись Vat. gr. 1703, вероятно, восходит к экземпляру этого сочинения, который сам Максим привез в Италию.

Издание текста «Вопросов и сомнений», как и издание «Вопросоответов к Фалассию», отвечает всем канонам современного

источниковедения. Структура издания следующая: сначала идет текст, отраженный в главной редакции (Vat. gr. 1703), с учетом разночтений, встречающихся в других редакциях (если они имеются); затем приводятся те «вопросы», которые отсутствуют в главной. В общей сумме это дает 239 «вопросов», и если учесть, что в «Патрологии» Миня наличествуют всего 79 «вопросов», то можно сказать, что Й. Деклерк издал практически неизвестное до сих пор произведение Максима Исповедника.

Оценивая в общем оба рецензируемых тома, следует отметить, что они представляют в распоряжение исследователей творчества Максима Исповедника и византийской культуры в целом прекрасный инструмент для научного поиска. Формально оба произведения принадлежат к экзегетическим трудам византийского мыслителя. Однако при этом надо учитывать три существенных момента. Во-первых, свою оригинальнейшую систему мировоззрения он никогда не излагал в целостном виде, а давал ее отрывочно и как бы всегда «по поводу». Поэтому понимание ее невозможно без тщательного анализа всех его произведений или даже отдельных частей их⁷. Во-вторых, по меткому замечанию С. С. Аверинцева, в византийской культуре экзегеза, интерпретация текста была «хоровым способом заниматься философией»⁸. Отсюда вытекает то, что экзегетические сочинения Максима Исповедника, как и других деятелей патристики, представляют для историков византийской философии неисчерпаемые и практически еще не задействованные в научном обороте резервы. Наконец, в-третьих, сама по себе экзегеза, вне ее связи с историей философии, являлась весьма важным элементом в общей структуре византийской культуры. Среди массы памятников византийской письменности экзегетические произведения составляли немалый процент и во многом определяли духовный облик византийцев на протяжении тысячелетней империи. Поэтому изучение византийской культуры в целом вряд ли будет достаточно адекватным без учета данного факта. Например, выделение таких крупных экзегетических направлений, как александрийская и антиохийская «школы», послужило немаловажным фактором в эволюции культуры Византии и сопредельных восточных стран. И современные изыскания в области средневековой культуры не могут обойти молчанием этот аспект ее.

А. И. Сидоръв

⁷ В качестве примера такого анализа можно привести статью: *Laga G. Maximi Confessoris ad Thalassium Quaestio 64; Essai de lecture // After Chalcedon. Leuven, 1985. P. 203—215.*

⁸ *Культура Византии. IV—первая половина VII в. М., 1984. С. 42.*